

Бельгийская арена русской Кармен

Большой театр — 1999 — 29 апр.

«Марина ШUTOVA, обладательница мощного и объемного голоса, который ею не форсируется, поет первый акт как бы с улыбкой на устах, а в любовном дуэте с Хозе и заключительной сцене полностью раскрывает всю мощь своего дарования...»

«Ле Суар»

«Русское меццо-сопрано в заглавной партии поет сильно, убедительно и мощно. Ее завораживающий и чувственный тембр превосходно выровнен во всех регистрах. Замечательный вокал и экспрессивная актерская игра слиты воедино...»

«Ла Либре Бельджи»

Так писали бельгийские газеты о выступлении солистки Большого театра **Марины ШUTOVOY** в заглавной партии в опере «Кармен» на сцене театра-арены «Форест-националь» в Брюсселе.

— Впервые я возвращалась из зарубежных гастролей счастливая, безумно уставшая, но творчески удовлетворенная, — рассказывает М. ШUTOVA. — В этой поездке многое было для меня впервые. Я уже пела в Бельгии, но брюссельский дебют состоялся только сейчас. Было безумно интересно. Театр-арена, где ставился спектакль, — огромный,

дуальность. Он видел во мне не марионетку, беспрестословно следующую его режиссерской трактовке, а настоящего творца. Я работала с разными режиссерами, среди которых было много талантливых и интересных, но с ними не было такого потрясающего творческого контакта. Многие сцены мы в корне пересмотрели. Разыгрывалась не драма о свободолюбивой женщине, а о женщине, постоянно ищущей настоящую любовь, которую она и находит в конечном итоге в Эскамильо.

Режиссер отошел от банального и общепринятого прочтения оперы. Например, такой эпизод. Во время интермедии перед «горами» была поставлена любовная сцена с Эскамильо, где нам пришлось целоваться натурально, поскольку все действие оперы показывалось на большом экране над оркестром. (Вообще мы постоянно следили за своей сценической пластикой, жестиком, ориентируясь на крупный план, как в кино.) Эта небольшая сцена создавала сквозное действие, многое объясняя в перемене чувства Кармен к Хозе.

Трактовка ван Леске была мне безумно интересна. В этом спектакле Кармен не любит Хозе по-настоящему, она ведь ни разу ни в дуэтах, ни в сольных кусках не произносит: «Я люблю тебя». А в крошечном дуэте с Эскамильо она не просто ему говорит о своей любви, но вторит ему, как бы растворяясь в нем. Он — первая настоящая любовь Кармен. Меня ничуть не раздражало, что режиссер все время менял мизансцены, нюансы, потому что я сама участвовала активно в этом процессе. Он советовался, смотрел, что предлагала я, с чем-то соглашался, многое из этого оставлял в спектакле.

Мне повезло и с партнерами. Особенно с исполнителем партии Эскамильо. Голландский певец Петер Бординг оказался не только замечательным вокалистом, но и превосходным актером. Он мне очень помогал, поскольку закончил Школу драматического искусства в Лондоне. Наблюдая за моей игрой из зрительного зала, он обращал внимание в основном на пластику, жест, подсказывал, как интереснее подать ту или иную мизансцену именно с пластической точки зрения. Очень хорош был Хозе — американец кубинского происхождения Рауль Мелло, а дирижировал оперой ведущий бельгийский дирижер Рудольф Вертен.

К сожалению, Брюссель я практически не увидела, отдохнуть было некогда. Репетировали по 7—8 часов в день без выходных. В спектакле было занято около тысячи артистов, но суеты и сумятицы на сцене не было, режиссер прекрасно всех рассредоточил. Действие было очень жизненным, на сцену даже выезжали живые лошади.

С огромным удовольствием я вспоминаю эти гастролы. К счастью, мне суждено еще раз соприкоснуться с этой постановкой — именно в этой «Кармен» я буду выступать в Кельнском театре-арене.

вмещающий около 8 тысяч зрителей, похож на гигантский цирк. Озвучить подобный зал только голосом физически невозможно, так что здесь все поют в микрофон, но очень непривычно, когда крошечное приспособление замаскировано у тебя на лбу. Еще одна особенность — оркестр располагается не перед глазами, а высоко над головой, и с дирижером тебя связывает только подзвучка и зеркаламониторы вокруг сцены. Это поначалу создавало определенные трудности, но мы настолько хорошо сработались, что на спектаклях чувствовали себя абсолютно уверенным актерским ансамблем.

Потрясающее удовольствие доставила постановочная работа с режиссером. Второй раз на моем пути встретился режиссер-единомышленник, сотворец. Первым был Саша Титель, ставивший в Большом театре «Ночь перед Рождеством», и вот теперь — фламандец Франк ван Леске. Мы вместе с ним разрабатывали концепцию роли. Характер выстраивался точно на мою актерскую индивидуальность.